

О КАНОНЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

Подробное освещение названной в заглавии статьи проблемы нуждается в отсутствующих пока серьезных исторических и социологических исследованиях. Поэтому я ограничусь лишь некоторыми важными, на мой взгляд, соображениями, возникшими в ходе моей работы над «Историей польской литературы в 1945–1990 гг.»¹ и над программой по истории польской литературы после Второй мировой войны для кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ. Естественно, что в том и другом случае необходимо было выработать определенные, программирующие читательское восприятие критерии отбора художественных произведений. Об этих критериях и пойдет прежде всего речь в данной статье.

Со времен романтизма устоялось справедливое, на мой взгляд, утверждение: литература – это выражение национального духа, его особенностей. Литература является одним из важнейших элементов формирования польского национального и общественного сознания, модели польской культуры вообще. По замечанию Ярослава Ивашкевича, «польская культура вообще является *rag excellence* литературной культурой. Наша философия, наше искусство, наша мысль имели литературный характер. Наши поведенческие образцы, стимулы наших действий были литературными. Это было проклятием нашей политики. И в то же время специфической чертой нашей национальной культуры»². Если исходить из этого, становится понятно, что трудно переоценить необходимость знания польской художественной литературы для духовного освоения «чужой» территории, в данном случае территории «польскости», для процесса ее познания и приобщения к ней, в котором участвует, например, будущий полонист во время учебы. Без литературных текстов невозможно и преподавание языка.

Задачи, стоящие перед преподавателем и исследователем современной польской литературы, связаны с потребностями нынешней идеологической и культурной жизни, с осознанием того, что образ «другого», возникающий в литературных текстах, имеет огромное историко-культурное и воспитательное значение. Им во многом ру-

---

¹ В кн.: История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Т. 1. 1945–1960-е гг. М., 1995; Т. 2. 1970–1980-е гг. М., 2001.

² *Iwaszkiewicz J. Linia naszego życia // Polityka. 1978. № 43.*

ководствуются в своей практической деятельности люди, от которых зависит ход истории. Образы «другого» в литературе организуют схемы восприятия иного жизненного опыта и отношения к ним. Создаваемые творческим воображением автора, опирающегося на сложившуюся культурную традицию, они начинают играть активную роль в формировании ментальности читателя, его отношения к другому народу.

Неподготовленный читатель польской литературы имеет, как правило, весьма поверхностные и искаженные представления о Польше. Его знания сводятся в основном к распространенным стереотипным суждениям о стране, ее истории, польском национальном характере, отношениях между Польшей и Россией. Эти стереотипные суждения – а они, к сожалению, в России по большей части имеют негативную окраску – основываются на предшествующем им общественном сознании и одновременно влияют на формирование этого сознания. И именно познание иной ментальности через художественную литературу способствует успешному преодолению стереотипов.

Но литература – это громадное количество текстов и имен, перед которыми оказывается растерянный читатель. Выбрать из них наиболее значительные и репрезентативные, руководствуясь определенными принципами – задача профессионального исследователя. Выделение наиболее важных достижений в той или иной литературе связано с более общей проблемой специфики функционирования иноязычной литературы (в данном случае польской) в условиях другой культуры. Функционирование это имеет несколько уровней: спонтанное и профессиональное восприятие литературы, знакомство с ней в оригинале или по переводам, качество интерпретации текстов читателем либо профессиональным литературным критиком и т. д. Большое значение имеет накопление и пополнение русских переводов из польской литературы, то есть объективное существование в рамках русской культуры, русского литературного языка определенного числа имен и текстов, которые дают представление о польской литературе. Указанные уровни существуют, разумеется, не изолированно, они явно или неявно взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга, корректируя читательские мифы, изменяя представления, влияя на вкусы. Дело заключается в том, чтобы та картина польской литературы, которая существует и формируется в русской культуре, была максимально приближена к реально существующей польской литературе. Это необходимо для нормального культурного диалога, и важно осознать, что на этот процесс можно воздействовать.

Чтение иноязычной литературы непрофессиональным читателем, как известно, всегда имеет спонтанный характер, собственную мотивацию и логику, а картина литературы, создающаяся у читателя, значительно отличается от реальности самой литературы. Например, в начале XX в. в России зачитывались романами Станислава Пшибышевского, отыскивая в них решение собственных духовных проблем. Тогда появилось несколько собраний его сочинений. А в течение последующих десятилетий этот писатель не существовал для русского читателя. В советские времена не могли появиться в русских переводах произведения ведущих представителей польской литературы XX в. – Бруно Шульца, Станислава Игнация Виткевича, Витольда Гомбровича. Сегодня произведения этих авторов переведены на русский язык, но ныне круг читателей польской литературы вообще сузился (не только потому, что мало из нее переводится), хотя круг имен, представляющих ее для нас, значительно расширился. Наибольшей популярностью с начала 1990-х гг. у русского читателя пользуется автор популярных современных детективов Иоанна Хмелевская – переведены практически все ее произведения. Массового русского читателя в ее иронических детективах привлекает не только фабула, возможность эмоционального сопереживания разных жизненных ситуаций, требующих изобретательности и небанальных решений, но и, как можно думать, зарисовки жизни и быта современной Польши, которых недостает другим современным польским книгам, к тому же все еще скудно представленным на нашем книжном рынке. Неверным, однако, было бы из читательского успеха Хмелевской делать выводы о достижениях современной польской литературы и путях ее развития.

Существует и другой слой читателей – слависты, вообще филологи, студенты-полонисты и просто серьезные читатели, которые хотят и должны иметь возможность знать польскую литературу не по случайным и конъюнктурным именам писателей. Чем больше будет знать эта часть читающей публики, тем более объективным будет общее представление в России о польской литературе и Польше. Представление об иноязычной литературе за рубежом всегда отличается от представления о ней в стране ее творцов. У русского полониста и польского полониста, у русского читателя и польского читателя одних и тех же польских текстов разная культурная основа, они читают под разными углами зрения, что необходимо принимать во внимание. За рубежом доступно меньшее число текстов, в активной памяти оседает значительно меньшее число имен и названий, нежели в родной стране читателя. К тому же, как правило, знакомство с

текстами происходит в иное время, с большими пробелами, с опозданием, в ином историко-литературном контексте, что вызывает иные ассоциации и чувства. Правда, эта неизбежная дистанцированность имеет свои преимущества: она позволяет более отчетливо увидеть типологию эстетических поисков и общность культурных задач.

Дополнительные сложности возникают в связи с таким феноменом в развитии литературы именно XX в., как литература «опоздавшая» к читателю: тоталитарные режимы со своей политической цензурой затрудняли или делали невозможным своевременное знакомство читателя с «идеологически невыдержанной» литературой, в том числе эмиграционной. Трудности возникают и в связи с необходимостью переоценки масштабов и переосмысления ряда явлений и фактов, что было вызвано крахом коммунистической утопии и преодолением в гуманитарных науках догматической идеологической доктрины. Но в любом случае нельзя рассматривать ни национальную специфику развития литератур, ни типологию общих для них и мирового литературного процесса категорий и явлений в отрыве от общественной действительности в самом широком смысле, поскольку литература есть часть целостной культурной системы и развивается в тесной связи с реальной жизнью социума, как ее культурная форма.

Если принять во внимание вышесказанное, следует признать, что может и должен быть создан некий канон имен и текстов, отражающий опыт послевоенной польской литературы, который позволил бы русскому читателю ориентироваться в ее подлинных достижениях. При этом следует избежать перегибов, умолчаний, конъюнктуры, как недавней прокоммунистической, так и нынешней, автоматически меняющей прежние плюсы на минусы.

Представляется, что этот канон должен в первую очередь выполнять две функции: познавательную и эстетическую. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть внеэстетическую функцию художественной литературы, в том числе высокохудожественной, как информатора об иной жизни, как источника сведений о старой и новой истории Польши, о поведении людей в разных ситуациях, об общественно-политических преобразованиях, определяющих людские судьбы, и т. д. Литература создает возможность познания действительности, преломленной в воображении писателя. Эта действительность может отличаться от знакомой читателю и открывать новые, универсальные горизонты, стремясь рассматривать описываемые явления в общечеловеческой перспективе. Разумеется, в представлении литера-

турных достижений должно найтись место и для эстетических поисков в литературе, создаваемой средствами языка.

До 1990-х гг. канон польской литературы, моделирующий ее историю, был у нас зависим от политической конъюнктуры. Лишь в последние 10–15 лет, в условиях демократизации нашего общества, после отмены цензуры, стало возможным представление этой литературы без изъятий, в реальном противоборстве разных идейных и художественных течений, в итоге которого и рождались подлинные художественные ценности. Конечно, каждый вновь предлагаемый канон, независимо от свободы действий его автора, является в той или иной мере субъективной и упрощенной моделью литературы. Главным критерием его создания должна, на мой взгляд, быть мысль о вкладе польской литературы (в данном случае послевоенной) в мировую литературу. Определяя критерии вклада национальной литературы в мировую, выдающийся польский литературовед Казимеж Выка писал о трех значимых факторах (они могут быть взаимопроникающими). Во-первых: то или иное произведение вносит свой объективный вклад в мировую литературу, если данным писателем созданы художественные, философские, идейные ценности, для которых не существует аналогий в литературе других народов. Во-вторых, когда данное произведение превосходит или по крайней мере приближается к уровню образцов, то есть художественных, философских, идейных достижений, уже имеющихся в сокровищнице мировой литературы. И, наконец, данный писатель вносит во всемирную литературу объективно значимый вклад, когда он «информирует читателя, принадлежащего к другой национальной культуре, о жизни, убеждениях, обычаях и истории своего общества и народа, и когда никто не может заменить его в этой роли»³.

Исходя из таких посылок, можно попытаться определить наивысшие достижения послевоенной польской литературы, знание которых представляется обязательным для студента-полониста. В XX в. Польша (как и вся Европа) испытала такие глобальные потрясения, как массовое уничтожение людей в результате кровопролитных мировых войн и господства тоталитарных систем, и фиаско исторического эксперимента – построения социализма. Именно с отношением к этим потрясениям, и, стало быть, с осмыслением главной проблемы гуманизма – места человека в истории, в обществе – связаны, в первую очередь, судьбы литературы в XX в., в том числе польской. Но если крах социалистической системы пока еще не дал

---

³ *Literatura polska w perspektywie światowej*. Ossolineum, 1963. S. 74–75.

ярких образцов художественного осмысления, то многие попытки раскрытия правды о разных сторонах Второй мировой войны увенчались успехом.

Опыт войны и оккупации Польши – важнейшая и доминирующая тема во всей послевоенной польской литературе – это не только многослойный тематический пласт. Этот опыт воплотился в ней как с помощью уже известных литературных «языков», традиционных сюжетно-повествовательных канонов, так и в виде многообразных новаторских стилей и поэтик, которые стоят вровень или даже превосходят свои аналоги в мировой литературе. Примерами могут быть парадоксальная моралистика Т. Боровского, «поток сознания» Л. Бучковского, исповедь М. Бялошевского, сновидческие прозрения Т. Конвицкого, первопреходческий в теме ГУЛАГа «Иной мир» Г. Херлинга-Грудзиньского. Но и писателям, более тесно соотносящим свое творчество с литературной традицией, присуще ощущение непригодности существовавших ранее конвенций для передачи беспрецедентных общественных испытаний. Многие из них также преуспели в стремлении открыть новые перспективы рассказа о польских судьбах в годы войны: «лирическая эпопея» Я. Ивашкевича «Хвала и слава» и «крестьянская эпопея» «Камень на камне» В. Мысливского, «документальные» «Медальоны» и «Дневник военных лет» З. Налковской, иронически-гротескное «Боденское озеро» С. Дыгата, «эсхатологический», по выражению С. Лема, роман С. Хвина «Ханеман» и др.

Поиски польской прозой правды о Второй мировой войне, причин крушения моральных норм и гуманистических ценностей, открытие ею новых измерений человеческой психики привели к существенным изменениям художественного языка этой прозы в целом.

Наряду с многослойным массивом произведений, связанных с событиями Второй мировой войны, в послевоенной польской прозе можно выделить и другие проблемно-тематические сферы, которые прежде всего определили развитие литературы в 1960–1980-е гг. Это «деревенская» проза о ценностях крестьянской культуры и этики в столкновении с городской цивилизацией (Ю. Кавалец, Т. Новак, Э. Редлинский, В. Мысливский). Огромные познавательные и художественные возможности «невывышенной» прозы продемонстрировали произведения писателей-эмигрантов, которые благодаря так называемому «второму кругу обращения» литературы (подпольным изданиям) в 1970–1980-е гг. стали широко известны в Польше (В. Гомбрович, Г. Херлинг-Грудзинский, Ч. Милош, А. Ват и др.). Одним из главных достоинств этих произведений явился взгляд на

польские проблемы с определенной дистанции. Польские комплексы и стереотипы рассмотрены в них на широком, прежде всего общеевропейском историко-культурном фоне, увидены как бы через отражение в зеркале иных культур.

Важной чертой этой эссеистской прозы, сближающей ее, впрочем, с произведениями такого же плана в самой Польше (Т. Конвицкий), является стремление к интеллектуальному раскрепощению человека, который испытывает постоянное давление политических мифов и коллективных эмоций.

Я остановился лишь на некоторых принципиально важных достижениях польской прозы. Отдельного разговора требуют поэзия и драматургия. Упомяну лишь о том, что доказательством высочайшего уровня польской поэзии являются литературные Нобелевские премии Ч. Милоша и В. Шимборской, а также замечательные произведения Т. Ружевица, Я. Ивашкевича, З. Херберта – каждый из них также имел полное право претендовать на высшую литературную награду. Мировое признание получили драмы С. Мрожека и Т. Ружевица, фантастика С. Лема.

Предлагаемый «канон» достижений польской послевоенной литературы не сводится лишь к перечню отмеченных выше имен. Он должен дать представление о живом историко-литературном процессе, в котором высшие достижения появляются благодаря художественным усилиям многих авторов. И он должен быть вписан в контекст мировой литературы и ее поисков, показать взаимные притяжения и отталкивания, которые определяют реальное развитие литературы. Нужно также помнить, что характерной чертой истинно художественного литературного произведения является его многозначность и что ценность его тем выше, чем больше возможностей его разнообразного прочтения.